

"Южный Собинов"

За девяностолетнюю историю Одесской консерватории кафедру сольного пения возглавляли всего... четыре человека. Стабильность едва ли не беспрецедентная. Но если об О.Н. Благовидовой и Г.А. Поливановой написано немало, то об Ю.А. Рейдер, первой возглавившей кафедру в 1913 году и руководившей ею до 1939 года, и особенно о В.А. Селявине, сменившем ее, известно, к сожалению, совсем немного. Вот уже более двух десятилетий скрупулезно собираю материалы об этом замечательном певце и педагоге, стараясь хоть отчасти преодолеть случившуюся историческую несправедливость. Ей способствовало то, что Селявин находился в оккупации и даже руководил Одесским оперным в военные годы. Негативное отношение к людям, перенесшим оккупацию, обусловило замалчивание деятельности коллектива и его художественного руководителя. На страницах книги, посвященной двухвековой истории Театра оперы и балета, я впервые рассказал об этом периоде его жизни без "стыдливого" умалчивания. Здесь хочу удержать от забвения то, что удалось найти о Викторе Алексеиче, изучая архивы, периодику, мемуары, беседуя со сверстниками музыканта. К сожалению, почти всех их уже нет с нами. Этот материал — дань и их памяти.

Виктор Алексеич родился в Петербурге в 1875 году. Его мать — швея, отец — приказчик в обувной лавке. В графе "происхождение" Селявин писал "из мещан" (к слову, предполагаю, что фамилия Селявин — псевдоним, происходящий от французского *se la vi*, это в духе характера В. А., однако пока не удалось найти подтверждение моей гипотезе).

Юноша окончил коммерческое училище. Тяга к музыке привела его в класс фагота, но, не имея возможности оплачивать обучение, он оставляет консерваторию и начинает служить сперва помощником бухгалтера, затем счетным чиновником. Прозаическая работа не погасила любви к музыке. Два года он берет уроки у почти забытого ныне педагога Носилова. Затем был год учебы у Я.М. Любина (это ученик знаменитого Камилло Эверарди, певец, антрепренер, педагог, у которого, в частности, учился Платон Цесевич, носивший "титул" соперника самого Шаляпина). В. А. завершил обучение вокальному искусству в частной школе профессора И.И. Шавердова.

С 1897 года Селявин совмещает работу солиста, исполняя в основ-

ном небольшие партии, и помощника режиссера в Народном доме Петербурга, который был вторым — после Мариинского — стационарным оперным театром Северной Пальмиры. Его репертуар отличался обширностью и разнообразием. И хотя так называемые "первые сюжеты" чаще пели в Мариинке, здесь выступали такие известные певцы как Н. Фигнер, Л. Клементьев, Д. Смирнов, Л. Яковлев, М. Долина, Э. Джиральдони и др.

Осенью 1903 года Селявин начинает свой тифлисский сезон в антрепризе Н.Н. Фигнера. Один из крупнейших отечественных режиссеров Н.Н. Боголюбов был режиссером этой антрепризы. В своих мемуарах "60 лет в оперном театре" он вспоминает: "Человек небольшого роста, начавший свою карьеру при мне в Тифлисе в первом десятилетии века с второстепенных партий, он вырос в большого мастера". Свой следующий сезон Селявин провел в Киеве у М.М. Бородая ("Этот театральный мальчик благодаря природной сметке занял место в первых рядах антрепренеров", — писал С.Ю. Левик).

В 1905-6 гг. Селявин работает в Москве в частной опере С.И. Зимина, в чем-то успешно конкурировавшей с Большим театром. То был всего лишь второй сезон "нового дела", но благодаря энергии и вкусу основателя, а также высокому профессионализму дирижера и композитора М.М. Ипполитова-Иванова театр достиг признания. Именно в это время критика писала: "Большой театр, несмотря на великолепный оркестр, такого капельмейстера как Рахманинов, такого артиста как Шаляпин, влачит жалкое существование и в большинстве случаев пустует", у Зимина же "достигнут ансамбль и сценический, и вокально-музыкальный".

В 1907-11 гг. Селявин поет в Киеве в антрепризе С.В. Брыкина (к слову, Брыкин, как и основательница одесской вокальной школы Ю.А. Рейдер, — ученик воспитанницы М.И. Глинки Дарьи Леоновой). Примерно в это же время В. А. начинает давать уроки пения. Эта деятельность продлится три с половиной десятилетия.

После Киева Селявин приезжает в Одессу, где систематически поет на сцене Городского театра на протяжении полутора десятилетий. С 1926 года по 1937-й он пел в филармонии, одно время был ее художественным руководителем, работал и режиссером в Оперном театре.

Н.Н. Боголюбов писал о В. А.: "Он поражал меня до последних дней своей жизни. Это был какой-то синтетический талант. Нельзя было не восхищаться его уникальными способностями. Весь спектр оперного искусства — предельная музыкальность, абсолютно чистая интонация,

правдивость искреннего драматического актера и голос очень "небогатый", но изумительно гибкий, голос "хитрый" — все это незаурядный артист конденсировал в своем умном даровании, как луч солнца конденсируется в толстом и крепком теле зажигательного стекла. И Селявину удавалось зажигать и воспламенять. Любителям итальянского пения он давал изумительное пиано и точный вокальный слепок с повышенных оперных страстей итальянских певцов. Драматический талант Селявина мог удовлетворить самых строгих и придирчивых критиков... Усилием воли, напряжением огромной энергии и ума он сделался своим собственным благодетелем. Сценический и вокальный диапазон у него был поразительный: от Радамеса и Рауля — к Вертеру, Дубровскому и Ленскому".

Отечественные тенора уже давно поделились на драматических и лирических. Очень немногим удавалось петь партии обоих планов. В обозримом прошлом это Кипоренко-Доманский, Фигнер, Печковский, Атлантов, Соткилава. Но даже эти вокальные феномены, имена которых вошли в историю искусства, с годами переходили на драматические партии. Селявин почти через всю артистическую деятельность пронес и лирический, и драматический репертуар. Это Альфред, Герцог, Фауст, Вергер, с одной стороны, и Хозе, Калаф, Турриду, Канио, Шуйский, Самозванец, Герман, с другой. А еще Лоэнгрин, Ионтек, Пинкертон, Рудольф... Всего и не перечить, ибо в репертуаре Селявина было около СТА партий.

При этом следует подчеркнуть, что все партии исполнялись Селявиным на высоком профессиональном уровне, о чем косвенно, но красноречиво свидетельствует то, что он неоднократно был партнером Шаляпина, отличавшегося требовательностью к коллегам.

Мне удалось проследить их совместные выступления с 1906 по 1909 год. Они проходили в Киеве и Петербурге. Это "Фауст" (Шаляпин — Мефистофель, Селявин — Фауст), "Мефистофель" (Мефистофель и Фауст соответственно), "Борис Годунов" (Борис и Шуйский, Борис и Самозванец), "Русалка" (Мельник и Князь), "Паяцы" (Тонио и Канио). Последний спектакль был бенефисным для знаменитой польской певицы Янины Вайдовой-Королевич. В этот же вечер давали сцену в корчме из "Бориса", где Шаляпин был Варлаамом, Селявин — Самозванцем (Киевская опера, май 1906 г.). Стоит обратить внимание на то, что Селявин в шаляпинских спектаклях пел ведущие партии.

Интересно для нашей темы свидетельство С.Ю. Левика (я был знаком с этим певцом и историком оперы, у меня хранится ряд его писем): "Можно назвать случаи, когда неабсолютные драматические тенора без ущерба

для голоса пели партии, требующие большой силы. Таковыми были А. Мосин (кстати, он тоже был солистом Одесской оперы и принимал участие в историческом для нашего города спектакле 14 марта 1925 года "Пророк", после которого театр горел. — В. М.) и В. Селявин... Они пели до старости сравнительно свежими голосами".

Мне довелось беседовать с Зинаидой Ивановной Тарасовой-Добродеевой, в прошлом солисткой Одесской оперы и педагогом консерватории. Ей было уже за 90, но с какой увлеченностью и, я бы даже сказал, восторженностью, она вспоминала коллегу по профессии: "Я слушала его в "Онегине", "Риголетто", "Фаусте", когда он уже был в солидном возрасте. Все было достойно уважения и восхищения — умный вокал, артистический талант. Он был трепетным и просветленным. А какой он был отличный камерный певец! Ему так удавались романсы Чайковского, а особенно "Средь шумного бала". Ничего лучшего за всю свою долгую жизнь в искусстве мне слышать не довелось. Он прекрасно пел не только романсы Чайковского... Он вообще жил в музыке. Такое нечасто встречается".

А вот свидетельство доцента консерватории Р.И. Ойгензихт, авторитетнейшего музыканта. Она работала концертмейстером в классе Селявина в свои молодые годы. "Особенно запечатлелся в моей памяти Селявин — Ленский. Не говорю уже о выразительности игры и пения. Меня поразило, что в сцене ссоры на балу (а росту он был небольшого) В. А. становился... выше всех! Не потому, что он выходил на авансцену, а силой порыва и выражения благородной дерзости и гнева...

Кроме обширного оперного репертуара, он владел огромным камерным. Незабываемо у него звучал романс Глинки "Я помню чудное мгновенье", произведения Чайковского "Средь шумного бала" (опять этот романс! — В. М.), "Мы сидели с тобой", "Я тебе ничего не скажу", "Корольки", романс Аренского "В полусне"...".

Профессор консерватории Л.Н. Гинзбург: "Я пианистка, поэтому, возможно, Вас удивит, что наибольшее воздействие на меня как на музыканта оказали Генрих Густавович Нейгауз и... Виктор Алексеевич. Молоденькой девочкой я пришла в класс В. А. и сразу же попала под обаяние личности Селявина. Много из того, что позднее говорил Г. Г., мне было знакомо, потому что об этом говорил Виктор Алексеевич. Он требовал от нас, чтобы фортепиано ПЕЛО, добивался, чтобы музыка волновала душу. Сам он играл замечательно. Мы, концертмейстеры, были в восторге от его показов. Как мастерски и вдохновенно он владел инструментом! Он был преподавателем не только вокала, но МУЗЫКИ. Его и Г. Г. роднила чис-

тота отношения к искусству, романтическая взволнованность, какие-то тонкие, светлые чувства, трудно переводимые на язык слов. Он сделал певицей-музыкантом мою сестру. У нее было лирическое сопрано, она пела в филармонии, преподавала в консерватории. В годы войны В. А. подарил ей жизнь, дав заведомо ложные показания, что она не еврейка, хотя правду знал хорошо. Он рисковал своей жизнью. Позднее она назвала своего сына Виктором не случайно. Она рано ушла из жизни от "болезни века"... Сын вырос, стал ученым. Он помогает мне. И в этом тоже отзвук щедрого сердца Виктора Алексеевича". Мне приятно сказать, что мы с Людмилой Наумовной провели в Доме актера и в "Гмилус хеседе" (общество "Добрые дела") вечера памяти В.А. Селявина. Л. Н. рассказывала о В. А. И играла. Среди других произведений — "Люблю тебя" Грига.

Л.Н. Гинзбург окончила Одесскую консерваторию по классу М.М. Старковой. Моим собеседником была и другая ученица Марии Митрофановны, концертмейстер Лия Бениаминовна Затурянская. Она работала с Н.А. Урбан, И.В. Райченко, П.С. Столярским, В.А. Селявиным.

"Встреча с Виктором Алексеевичем была счастьем моей (и не только моей) жизни. Я соприкоснулась с красивым человеком в самом широком смысле слова. Это был музыкант с удивительным вкусом, своим ощущением музыки, искусства. Работать с ним было честью и для певцов, которые устремлялись к нему и из оперы, и из оперетты, и для концертмейстеров, помогавших Виктору Алексеевичу в этой работе. Обычно она проходила по воскресеньям, весь день. Он не уставал, концертмейстеры работали по полдня. Я чередовалась с Верой Высоцкой.

В доме В. А. был замечательный инструмент с необыкновенным звуком. Иногда В. А. играл сам — какое туше, какие пластичные руки!

В. А. ставил перед нами высокохудожественные задачи и добивался нужных результатов требовательной добротой. Он загорался при встрече с талантливыми учениками и очень помогал им. Он снижал при встрече с середнячками. После выучки с певцом партии Селявин приходил в театр послушать подопечного. Брал и нас с собою. Обычно сидел на галерее, утверждая, что именно отсюда лучше всего проверяется певец. Его не могли обмануть даже бурные аплодисменты публики. Он полусуто говорил, что "публика — дура". Хвалил учеников сдержанно, нередко добавляя: "Дома разнесу". Но это была шутливая угроза.

Мы аккомпанировали его ученикам безвозмездно. "Платой" была ШКОЛА, которую мы проходили у него. Но он заботился и о нашем материальном благополучии, подыскивал платных учеников — взрослых

и детей. Это было трогательно. И незабываемо. Из его "класса" выходили отличные концертмейстеры. Упомяну для примера Раису Ойгензихт, много десятилетий проработавшую в Одесской консерватории, Розалию Трохман, которая уехала в Киев, где сотрудничала с самыми замечательными певцами. Кстати, он очень любил Розочку.

В. А. заботился о нашем общем развитии, нередко интересовался, что мы читаем. Он был артистом с головы до ног. Из эстетических соображений, начав лысеть, носил парик даже в быту. И с годами... добавлял в него седину. Будучи небольшого роста, носил обувь на специальных каблуках, но только на сцене. Был жизнелюбом. Настоящий тенор, он любил женщин, они отвечали ему взаимностью. Да и не любить его было невозможно.

Его концерты становились праздниками для нас. В начале 1941 года задумали провести его юбилей, объявив о 45-летию творческой деятельности. Выбрали спектакль — "Дубровский". Он — Владимир, Маша — любимая ученица Виктора Алексеевича Люда Крыжановская.

Начали повторять партию. Я ему играла дома. Он не пел, а почему-то проговаривал музыкальный текст, "мурлыкал", "баловался". Его жена Ольга Николаевна (по паспорту она была Нудлевна, но как многие, изменила отчество на более "благозвучное") нервничала, сердилась. Виктор Алексеевич улыбался, отшучивался.

Спектакль, на который устремилась "вся Одесса", прошел с огромным успехом. Виктор Алексеевич вложил в него всю душу, всю силу своей художественной натуры. Уже шесть десятилетий прошло, а все так отчетливо помнится".

Здесь я прерву рассказ Лии Бениаминовны. Мне довелось беседовать с двумя старыми театрами — кандидатом филологических наук Виктором Шишовым и кандидатом медицинских наук Анатолием Хомутовым, которые присутствовали на этом спектакле, состоявшемся 20 января. У них тоже навсегда сохранилось восторженное впечатление от увиденного и услышанного. То же самое говорила и Анна Игошина, проработавшая в театре билетером более шести десятилетий. Ее впечатление не меркло с годами, хотя ей было с кем сравнивать: в нашем оперном выступали выдающиеся гастролеры, да и в труппе было немало очень интересных певцов.

Продолжу рассказ Л.Б. Затурянской:

"Селявин не был тщеславным. Не любил рассказывать о своих прошлых успехах. Жаль, что многое ушло с ним... Был у них сундук с релик-

виями — подношениями на бенефисах, фотографиями с автографами знаменитейших артистов. Иногда Ольга Николаевна показывала их нам. Запомнилось, что там были автографы Шаляпина, Карузо, Баттистини, с которыми судьба сводила певца и его жену, балерину, на разных сценах. О. Н. была красивой и в старости, хотя расплнела. В. А. гордился красотой жены, шутил, что из-за этого и женился на ней. Она была ревнива. Ее сына от первого брака расстрелял сотрудник ЧК. О. Н. была религиозна. В их доме висели иконы, это тогда не поощрялось. Был и портрет молодого офицера в белогвардейской форме. Ни соседи, ни посетители дома не донесли на хозяев — их любили, уважали. А время ведь было небезопасное.

Запомнилась мне их домработница Ульяна. Они любили ее, она — их. Ульяна пекла очень вкусные куличи. Хозяева были хлебосолами.

В чем-то В. А. оставался ребенком до седых волос. У О. Н. была японская болонка Леда. Хозяйка любила ее и баловала. Это не нравилось В. А. Он дразнил собачку, когда О. Н. не могла это видеть. Леда истерично заливалась. О. Н. сердилась, догадываясь о причине гнева своей любимицы. В. А. с невинным видом не признавался в своем "грехе"...

Как певец, он усмотрел в моем имени Лия созвучие с персонажем пуччиниевской героини Лиу, влюбленной в героя, которого пел Селявин, — Калафа. Он называл меня Лиу-Миу. Мне это было приятно, как и его дорогой автограф: "Милой Лии Затурянской, моей ближайшей помощнице в деле воспитания молодежи. 18 марта 1938 года". Виктор Алексеевич был выдающимся музыкантом и очень хорошим человеком".

Любопытно, что и Л.Н. Гинзбург благодарно хранила почти шесть с половиной десятилетий аналогичный автограф Виктора Алексеевича: "На память о первом серьезном выступлении, милой Люсеньке. 4 мая 1936 года от слушателя В. Селявина". Виктор Алексеевич трогательно заботился о своих сотрудниках, согревая их теплом участия столь важного вообще, а особенно для начинающих творческий путь. Доброжелательность всегда и во всем сопутствовала Виктору Алексеевичу.

Старейший журналист Одессы Михаил Бинов рассказывает: "Хорошо помню Селявина. В доме, где он жил, проживали мои родственники (улица Десятилетия Красной Гвардии, 9 А. — **В. М.**) Я часто бывал у них и знаю, как уважали соседи Виктора Алексеевича. Трогательная любовь к нему отразилась, например, в таком факте. Простые возчики, привозившие из Херсона арбузы, по дороге останавливались у его дома и предлагали безвозмездно брать знаменитые херсонские кавуны. Незадолго до сво-

его юбилейного спектакля Виктор Алексеевич встретил меня и предложил два билета в театр! Наверное, он прочел в моих глазах любовь к оперному искусству, к нему как музыканту... Этот королевский подарок я не забуду никогда. Как и спектакль с "переаншлагом", на который привозили даже обезноженных старых театралов — почитателей замечательного тенора. Сцена была усыпана цветами, различными подарками. А самым дорогим подарком была овалация, громкие крики благодарности, среди которых выделялся бас Константина Данькевича: "Браво, Селявине!" Наверное, с намеком на итальянскую школу певца". (К.Ф. Данькевич отлично владел фортепиано, профессионально занимался вокалом, очень любил петь и, как ректор консерватории в последующие годы, уделял большое внимание кафедре сольного пения).

Два года спустя Виктор Алексеевич дал прощальный концерт. Певцу аккомпанировала Нина Леонардовна Зосина-Соколовская. Полвека спустя она вспоминала: "Проникновенное исполнение Селявина до сих пор звучит в моей памяти. Он пел великолепно (напомню, что Селявину тогда шел 68-й год. — **В. М.**). В нем прекрасный музыкант сочетался с прекрасным человеком... Его любили солисты, уважали коллеги, боготворила публика. Он был кумиром одесситов. Кажется, не было спектакля "Риголетто", в котором он не бисировал песенку Герцога с блестящим "си" в конце. Каждое его выступление в опере или концерте становилось художественным событием".

Селявин гордился до последних дней, хотя редко говорил об этом, что был партнером Шаляпина и Собинова, Алешко и де Идальго, Баттистини и де Лука, Дидура и Кавальери, Гальвани и Джиральдони... Этот почетный для певца список можно было бы расширить. С большим уважением относились к Селявину И.В. Прибик (по рекомендации Чайковского он начал работать в одесском оперном и СЛУЖИЛ здесь искусству более четырех десятилетий), П.С. Столярский, уже упоминавшийся К.Ф. Данькевич, И.С. Паторжинский, А.М. Пазовский, П.З. Андреев (и этот лестный список далеко не полон).

Все люди, с которыми мне довелось беседовать о В.А. Селявине, говорили о нем с большим уважением и сердечным теплом. Прима-балерина одесского театра в годы войны Е.А. Русинова вспоминает: "Селявин тогда был не директором, как многие говорят, а я бы сказала, художественным руководителем театра. Вся полнота власти была в руках румына Русу. Селявин заботился обо всех артистах, подчас даже "подставляя голову". Так, у нас в труппе работала балерина Рита Кайданова. Она была ев-

рейкой. Кто-то донес на нее. Когда за Ритой пришли, мы очень волновались. Виктор Алексеевич сумел уговорить "стражей закона" не трогать ее. Кажется, он свидетельствовал, что она татарка. Театр при нем жил полноценной творческой жизнью. Как художественный руководитель он привлек к работе в выдающегося хормейстера К.К. Пигрова, пригласил на должность главного дирижера профессора Н.Н. Чернятинского, а на пост главного режиссера — Н.Н. Боголюбова".

Николай Николаевич вспоминал: "Селявин, пользуясь своим положением, никого из труппы не оставил без хлеба, все служили в опере. Меня он тоже включил в невероятно раздутый состав оперного театра". Здесь режиссер осуществил свои последние — и очень хорошие — постановки: "Онегин", "Пиковая дама", "Аида", "Травиата", "Кармен", "Корневильские колокола", "Демон", "Фауст", "Дубровский", "Князь Игорь", "Сельская честь", "Паяцы". Могу свидетельствовать как зритель, что все они были высоко качественны, жили на сцене долго, а "Паяцы" просуществовали до середины 90-х! О том, что мы обязаны прекрасными впечатлениями... Селявину, не знал ни я, ни, наверное, почти все постоянные посетители оперного театра послевоенного времени.

Будучи человеком широких музыкальных взглядов, В. А. пригласил на гастроль в Одессу... Петра Лещенко. И даже предоставил ему для концертов оперный оркестр. Лещенко выступал в помещении Русского театра. Изучая дневники мужа старейшего билетера А.П. Игошиной, я обратил внимание на то, что в дни концертов Лещенко в театре не было спектаклей, значит, приведенная информация из опубликованных фрагментов "Дела Петра Лещенко" верна.

Параллельно с работой в театре В. А. возглавлял вокальную кафедру в консерватории. Это было непросто: здесь тоже пересекались десятки самолюбив. Ему удавалась и эта работа. Л.Б. Затурянская однажды в беседе со мной назвала его "великим дипломатом". Правда, в первые послевоенные месяцы "идейные" коллеги, по сути, затравили Селявина, пользуясь общим негативным отношением к тем, кто был в оккупации... О его заслугах стыдливо "забыли".

Но вернемся в более ранние годы. В.А. Селявин был удостоен крайне редкого тогда звания профессора. С 1935 года был деканом вокального факультета. Н.Н. Боголюбов писал: "Селявин был замечательным примером для молодежи. Он поразительно владел музыкальной фразой, дыханием, замечательным пиано... Я часто сравнивал его со знаменитым некогда итальянским баритоном Котоньи. Прославленному певцу было уже

80 лет. Изредка выступая в концертах, он демонстрировал чарующий голос. Своим ученикам, спрашивавшим о секрете феноменального вокального долголетия, Котоньи охотно раскрывал простую тайну. "Дышите хорошо, произносите слова ясно — и ваше пение будет совершенным!". По этому рецепту жил и творил Селявин". Как педагог, он не любил заниматься "ремеслом". По свидетельству Р.И. Ойгензихт, "к нему должны были идти люди, уже освоившие азы вокальной грамоты, — в сущности, так и должно быть в музыкальном высшем учебном заведении, каковым и является консерватория. Если студент приходил неподготовленным, плохо знал музыкальный текст, ошибался, запинался, В. А. "потухал", скучал. Урок получался маловыразительный, неинтересный. Когда же обучающийся являлся с первично освоенным материалом, профессор "зажигался" и давал такой вдохновенный урок, который запоминался надолго, оставляя в сознании начинающего музыканта неизгладимый след.

Целый ряд его воспитанников принесли педагогу удовлетворение своим искусством. Кроме уже упоминавшихся сестры Л.Н. Гинзбург Галины Литовченко и, пожалуй, самой его любимой ученицы Людмилы Крыжановской, это камерная певица Регина Мирвис, солисты Одесской оперы М. Патлань, К. Платова (ныне в театре работает сын этой отличной певицы Валентин, плодотворная деятельность его как концертмейстера оперы как бы продлевает влияние Виктора Алексеевича на одесских музыкантов), педагог консерватории С. Щавинская, воспитавшая одну из лучших певиц нашего театра за все время его существования — Р. Сергиенко (Софья Игнатьевна много доброго рассказывала мне о В. А. У нее хранился фотопортрет Чайковского с автографом, который передал ей Селявин, она подарила эту реликвию мне в благодарность за поддержку Раисы Михайловны "в минуту жизни трудную").

Особое признание получили два его воспитанника. Это Василий Козерацкий. Он был премьером столичных и оперетты, и оперы (Козерацкий, подобно своему педагогу, пел лирический и драматический теноровый репертуар). Это Алексей Кривченя, которого часто называют выпускником Одесской консерватории. К сожалению, это неверно: Кривченя учился в классе Селявина до 4 курса, параллельно год или два работал в филармонии, но был вынужден покинуть город, ибо его исключили из вуза за "связь с врагом народа" (речь шла о его подруге; отъезд из Одессы, возможно, спас от ареста Алексея). Чрезвычайно одаренный, молотобоец Кривченя пришел к Селявину без какого-либо музыкального образования, но за три года интенсивной работы сумел освоить немалый басовый

репертуар. Он пел много сезонов на сцене Большого театра. Б.А. Покровский назвал его "явлением в оперном искусстве", ему восторженно аплодировали за рубежом и, в частности, в Париже. Р.И. Ойгензихт считала, что "по духу, по постижению образа Кривченя был удивительно близок Селявину". Он прославил не только своего педагога, но и "одесскую вокальную школу и отечественное искусство".

Л.Б. Затурянская рассказывала мне, что после освобождения Одессы от захватчиков Селявина многократно вызывали, допрашивали, но так и не смогли найти "состава преступления". Однако на нервной почве у Виктора Алексеевича обострился диабет, а это стимулировало другие заболевания, на теле появились язвы... В итоге он "был прощен". Его даже включили в состав членов жюри конкурса вокалистов, проходившего в Киеве.

Слово Р.И. Ойгензихт: "В МАЕ (выделено мною. — **В. М.**) 1945 года, уже после Победы, мы, участницы конкурса Галина Литовченко, Софья Молотова, я как концертмейстер и профессор Селявин, должны были выехать в Киев... За несколько минут до отправления поезда меня позвали с перрона в вагон: "Вашему старичку худо". Я вбежала в купе, старалась помочь Виктору Алексеевичу, который бился в судорогах. Развязала галстук, расстегнула ворот рубашки, подложила под затылок руку, обтирала выступивший пот. Он успокоился. Отправление поезда задержали, его унесли, я еще успела поцеловать его руку... Уже на ходу нам сообщили, что он умер... Последним знаком почитания таланта профессора Селявина стала Третья премия, полученная на конкурсе Софьей Молотовой.

Память о прекрасном Человеке и музыканте сохранилась в сердцах и душах людей, знавших его: Виктор Алексеевич Селявин, 10.1875, С.-Петербург, 05.1945, Одесса".

К трогательным и содержательным воспоминаниям Раисы Исааковны небольшое дополнение и, по-моему, важное уточнение. Лауреатом Всеукраинского и дипломантом Всесоюзного конкурсов была Людмила Крыжановская. На ее Дипломе, подаренном мне племянником Людмилы Дмитриевны Сергеем Улусьяном, стоят подписи Обуховой, Барсовой, Пирогова, Шапорина. Через год после ухода В.А. Селявина звание заслуженной артистки было присвоено этой ученице профессора. К сожалению, он не сумел узнать об этом, как и о присвоении крайне редких тогда званий народных артистов Козерацкому и Кривчене. А теперь об исправлении ошибки Р.И. Ойгензихт. Она пишет о МАЕ. Это не так. С.В. Улусьян передал мне два уникальных автографа Н.Н. Боголюбова, связанных с В.А. Селявиным.

Первый: "19.11.1945 г. Траурная остановка у консерватории. Речь профессора Н.Н. Боголюбова: На мою долю выпало, увы, сказать тебе последнее "прости" у стен консерватории, где ты так долго и плодотворно трудился. Много лет тому назад в Тифлисе... я инстинктивно почувствовал твой огромный талант. Я не ошибся. Твое имя как певца и артиста золотыми буквами вписано в историю Одесского оперного. Оно живет и будет жить в сердцах старых одесситов (горжусь, что после 55-летнего полужабвения музыканта мне удалось добиться юбилейного спектакля "Риголетто" в честь В. А. к 125-летию со дня его рождения. — **В. М.**) Твои ученики — я в это верю — напишут в сердцах молодых одесситов твоё творческое имя педагога, вокалиста, художника, артиста тоже золотыми буквами. Да будет легка тебе земля!".

После машинописного текста приписка от руки: "О.Н. Селявиной Н. Боголюбов" Автограф Н. Н. адресован супруге В. А. Ольге Николаевне, в числе почитателей которой был сам Шаляпин. Это зафиксировано в его автографе: "Пусть милая Ольгуша не забывает меня любя. С любовью дарю сей портрет на память" (автограф хранился в семье Сергея Венедиктовича Улусьяна, скончавшегося в 2002 году).

Второй документ написан рукой самого Н. Н.:

"19 ноября 1945 г.

Венок В.А. Селявину

Прости, любимый наш Певец!
Прощай до близкого свиданья...
Поэт, художник и мудрец,
Окончены твои терзания.

Ты испытал, что испытать
Не каждому дается Роком, —
Нет выше счастья — зреть и знать,
Что ты идешь в пути высоком.

Творя добро, ты скромн был
И, сберегая в сердце пламень,

За жертвы, за растрату сил
Имел и лавр, и зло, и камень.

Но ты с душевной высоты
На все смотрел миролюбиво.
Певец чудесной красоты,
Ты мудрым был и жил красиво.

Прости! Песнь Ленского допета:
"Ах, Ольга, я тебя любил..."
Ты встретил солнышко рассвета
И жизнь в искусство превратил.

Сегодня траурная месса.
Мы горько плачем о тебе,
Тебя любившая Одесса
Склоняет головы в мольбе".

Внимательный читатель обратил внимание на то, что описанные события происходили не в мае, а в НОЯБРЕ. К датам, приводимым Р. И., могу добавить, что В. А. родился 7 ноября (а не октября, как указано в ее статье). Значит, прожил он семьдесят лет и десять дней. Л.Б. Затурянская (и она ушла в 2002-м году, прожив долгую, многотрудную и честную жизнь) сказала во время одной из наших встреч: "Виктор Алексеевич не был верующим, но его отпевали. Он не был ангелом, но был праведником, спасшим десятки жизней, как у нас говорили, лиц еврейской национальности, сотни людей спас от голодной смерти за счет "расширения штатов" в подведомственном ему в годы войны оперном театре. Если есть Царствие небесное, то оно для таких, как он. А на грешной земле такие люди должны жить не один, а хотя бы два срока. Они украшают жизнь. Счастлива, что знала его".

Аналогичные мысли высказывали ВСЕ, с кем мне довелось беседовать о Викторе Алексеевиче Селявине. Счастлив, что успел встретиться с ними, что в моем доме хранится некогда принадлежавший Селявину фото-портрет Чайковского с автографом, который великий композитор начертал в Одессе в далеком 1893-м году.

Художник с окраины

В одесских журналах начала XX века — "Волна" (1910), "Крокодил" (1911-12), "Бомба" (1917, 1919) — часто появлялись рисунки художника Аристарха Аристарховича Кобцева, изящные, несколько манерные, в стиле очень популярного в те годы (сейчас сказали бы — "культового") английского графика Обри Бердслея. На местных выставках Кобцев регулярно показывал не только графику, но и живопись. Художнику была суждена долгая жизнь, но даже та скромная популярность, которая сопутствовала ему в начале карьеры, к ее закату сменилась почти полным забвением.

Из автобиографии 1950 года: "Я родился 6/IV 1884 г. в семье разметчика Одесских ж. д. мастерских Кобцева А.Ф., проработавшего в них беспрерывно 60 лет. Окончив Одесское ж. д. техническое училище [1897-1901], я работал в ж. д. мастерских с [января] 1902 г. беспрерывно до 22/V 1941 г. (впоследствии ж. д. маст. переимен. в Январский краностр. завод) в качестве чертежника, техника, конструктора и преподавателя графических предметов; в период службы я закончил худож. курсы Остроменского".

Частные рисовальные курсы (а с 1900 года — рисовальная школа) Адольфа Остроменского пользовались в Одессе заслуженной популярностью и давали хорошую профессиональную подготовку. Обычно после окончания школы ее выпускники продолжали образование в Одесском художественном училище — или за границей. Кобцев не стал учиться дальше. Нет сведений и о каких-либо его поездках за границу. Складывается впечатление, что всю жизнь он занимался творчеством для души, в свободное от официальной службы время. Работа в железнодорожных мастерских, преподавательская деятельность, подготовка к выставкам, сотрудничество в журналах — согласимся, это достаточно напряженная жизнь.